

УДК 821.112.2

**АНТИФАШИСТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА А. ЗЕГЕРС
«КОНЕЦ»****Мельникова Любовь Александровна,**кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин,
Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
e-mail: lmelnikova5@mail.ru**Аннотация**

В статье рассматриваются особенности раскрытия проблемы вины и наказания последователей нацизма в рассказе А. Зегерс «Конец». Посредством использования метода целостного анализа художественного произведения установлено, что репрезентация в рассказе образа центрального героя Циллиха подчинена цели продемонстрировать невозможность оправдания нацистских преступников ввиду их неспособности к признанию своей вины и раскаянию, а также испытываемой ими тоске по проявлению насилия и звериной жестокости в послевоенной мирной жизни.

Ключевые слова: А. Зегерс, рассказ, преступление, нацизм, вина, раскаяние, конец.**THE ANTI-FASCIST PROBLEMS OF A. ZEGERS' SHORT STORY "THE END"****Melnikova L. Alexandrovna,**Candidate of Philology, PhD, Department of Philological Disciplines
Balashov Institute of the Saratov State University
e-mail: lmelnikova5@mail.ru**ABSTRACT**

The article examines the specifics of revealing the problem of guilt and punishment of followers of Nazism in the story of A. Zeghers "The End". Through the use of the method of holistic analysis of the work of art, it is established that the representation in the story of the image of the central character of Zillich is subordinated to the goal of demonstrating the impossibility of justifying Nazi criminals due to their inability to admit their guilt and repentance, as well as their longing for violence and bestial cruelty in post-war peaceful life.

Keywords: A. Zeghers, story, crime, Nazism, guilt, remorse, the end.

Существенное место в творческом наследии немецкой писательницы Анны Зегерс (Anna Seghers, наст.имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900–1983), помимо

романов, занимают произведения, относящиеся к жанрам малой прозы. Несмотря на то, что отечественные исследователи подвергали изучению ведущие мотивы ее рассказов [6], специфику репрезентации в них проблемы эмиграции [2], их пространственно-временную организацию [4] и жанровое своеобразие [3], поэтика малой прозы данного автора является в настоящий момент изученной недостаточно полно и разноаспектно.

В настоящей статье объектом исследования является рассказ А. Зегерс «Конец» (“Das Ende”, 1945), предметом – антифашистская проблематика данного произведения. Цель исследования – посредством использования метода целостного анализа выявить особенности раскрытия темы вины и наказания в рассказе «Конец».

Проблема вины и наказания занимает центральное место в художественном мире вышеназванного текста. Действие в произведении развивается в первые послевоенные годы. Центральный герой рассказа Циллих в годы войны служил надзирателем в нацистском лагере. На момент развития описываемых в произведении событий он живет в деревне и занимает себя крестьянским трудом. С самого начала рассказа писательница наделяет образ данного героя отрицательными коннотациями, что акцентируется в его портрете целым рядом выразительных деталей: «Он говорил раздумчиво, неторопливо, на здешний манер, как будто слова тоже стоили денег и с ними неохотно расставались. Глаза у него были маленькие, темные, недоверчивые, а ноздри – такие круглые и неподвижные, что они казались еще одной парой глаз. Нос – короткий, вздернутый, рот маленький, вообще черты его лица были мелкими, а само лицо занимало непропорционально мало места на крупной крестьянской голове. Уши тоже были крошечные, с подтянутыми вверх мочками и странным образом повернутые, не прижатые, как обычно, а оттопыренные, – словно нарочно приспособленные для улавливания всех звуков» [1]. В целом внешний облик Циллиха, представленный даже вне контекста его прошлого, производит на читателя отталкивающее впечатление. Примечательно, что в вышеприведенном портрете-представлении особенности внешности персонажа выступают в качестве проекции на отличительные черты его характера, среди которых жадность, неторопливость, подозрительность, мелочность, имплицитно выраженная склонность к надсмотру и шпионству.

Рассказ начинается с описания случайной встречи с Циллихом одного из бывших заключенных концентрационного лагеря Вольперта, работающего после окончания войны инженером на железнодорожных путях. Встреча со своим бывшим палачом порождает в сознании этого героя набор определенных воспоминаний. С закрытыми глазами Вольперт видит Циллиха таким, каким образ этого человека будет сопровождать его до самой смерти: «Тот Циллих, которого он видел с закрытыми глазами, носил форму СА, а когда поворачивался к колонне заключенных, направляющихся на работу, зад его распирали брюки. “Свиное ухо” – прозвали Циллиха в концентрационном лагере из-за подтянутых мочек. На толстом лице глаза его гляделись бусинками, словно птичьи, но взгляд их был цепким и острым. Равнодушно-внимательно, будто птица с ветки, следил он за выполнением своих приказаний» [1]. Портрет, воссоздаваемый Вольпертом, отмечен акцентированием звериных черт в облике Циллиха, что подчеркивают сравнения героя со свиньей и птицей. Толстое лицо, распирающий брюки зад, цепкий взгляд, эмоциональная отстраненность от переживаемых заключенными страданий – все эти детали усиливают антигуманный характер поведения данного персонажа.

Вольперт вспоминает жесткость Циллиха, цинично издевающегося над заключенными и заставляющего последних маршировать с поднятыми руками, приседать под палящим солнцем, вылизывать языком грязную лестницу. Обида и унижения, пережитые Вольпертом в лагере от этого человека, рождают в его душе жажду мести. О встрече с лагерным палачом он мечтает во сне и наяву. Однако он не успевает осуществить

возмездие, так как Циллих, узнав в нем своего бывшего заключенного, поспешно сбегает из деревни.

Характер данного персонажа, подвергаемый писательницей тщательному психологическому анализу, последовательно развивается в рассказе при помощи мотивов бегства и скитаний.

При этом важно заметить, что жестокость и безнаказанность, проявляемые Циллихом во время службы в концентрационном лагере, выразительно контрастируют с трусостью и неуверенностью, проявляемыми им в гражданской среде. Именно мелочность души не позволяет данному персонажу смело принять наказание, вследствие этого он пускается в бег. Однако смена пространственных локаций – он работает то в карьере, то на стройке, то в речной долине – не позволяет герою обрести желанного умиротворения. Везде его сопровождают подозрительность и страх быть разоблаченным. Предаваясь отчаянию, Циллих пытается осмыслить свое нацистское прошлое. Размышления героя по этому поводу передаются в рассказе посредством несобственно-прямой речи: «Он прошел с фюрером огонь, и воду, и медные трубы. Теперь фюрер умер. Правда, находятся люди, которые в это не верят. Но, живой он или мертвый, приказывать он уже не может. И второй раз фюреру не удастся его обмануть. Он сулил ему славу и блеск, обещал разделить с ним свою власть. Он выманил его из дома, оторвал от плуга и поля. Обещано было с три короба, и что же из этого получилось? Преследования и страх. Его бросили на произвол судьбы» [1].

Приведенная цитата показывает, что данный персонаж делает попытку косвенно переложить вину за свои злодеяния на Гитлера, превращая в себя в жертву манипуляций нацистских идеологов. Однако писательница не находит оправдания данному персонажу. Всем ходом дальнейшего повествования она пытается убедить читателя в том, что Циллих позволил себе увлечься нацистскими лозунгами прежде всего потому, что они соответствовали внутренней сущности его натуры.

Во время своих скитаний по полупустым деревням Циллих переживает не раскаяние, а настоящую психологическую «ломку», так как сожалеет о том, что времена его службы в СА канули в лету: «Он ненавидел эти серые однообразные дни, которые, подобно воде, текли между пальцев. Он тосковал по открытой схватке, когда можно топтать ногами противника, орущего, отбивающегося, истекающего кровью. Ему неведомо было склоняться перед обстоятельствами, словно трава под граблями» [1]. Данная несобственно-прямая речь указывает на то, что герой не утратил острой потребности в насилии и жестокости и в гражданской послевоенной жизни.

Циллих одновременно боится законного наказания, встречи с оставшимися в живых угнетаемыми им в лагере заключенными, мести со стороны своих бывших сослуживцев. Эпизод с Негелем, произошедший в лагере Пяски, свидетельствует о том, что Циллих способен к проявлению не только цинизма, жестокости и равнодушия, но также подлости и предательства, продиктованных завистью и желанием доминировать. Вследствие этого героя пугает возможность возмездия за подобное поведение. При этом А. Зегерс важно продемонстрировать схожесть нацистских преступников. Это выразительно подтверждает реакция двух бывших надзирателей во время случайной встречи в период скитаний Циллиха: «<...> их глаза встретились – острые, колючие глаза Циллиха-Шульце и мутные, заплывшие глаза Штегервальда-Нагеля» [1].

С помощью приема парадокса А. Зегерс показывает, как персонаж ее произведения в течение стольких лет вызывающий ужас у большого количества заключенных в лагере, теперь сам, перебегая с места на место, испытывает неподдельный животный страх. Каждый раз во время встречи с незнакомыми людьми, живо интересующимися прошлым Циллиха, его происхождением, местом жительства, данного героя бросает в жар, он часто потеет, вследствие чего его рубашка «быстро задубела». Герой понимает, что ему нет места в мирной жизни. Во время очередной попытки спрятаться, он ловит себя на мысли о том, что

мечтает истлеть за одну ночь дотла вместе с пальми листьями. Данная деталь обращает на себя особое внимание, поскольку она подчеркивает, с одной стороны, степень отчаяния Циллиха, с другой – необратимость процесса морального разложения, переживаемого этим персонажем.

Герой оказывается осужден на вечные скитания, так как от него отказываются даже жена и собственные дети. Он испытывает чувства отчаяния, страха, безысходности, как и многие его жертвы. Бегство не спасает, а, напротив, приближает его к гибели. А. Зегерс подчеркивает невозможность оправдания нацистских преступников ввиду их неспособности к раскаянию, проявлению гуманных чувств, тоске по насилию и звериной жестокости в мирной жизни. Нежелание Циллиха признать свою вину приводит его к двойному наказанию: гибели от руки разоблачившего его случайного попутчика и отречение от него после смерти его собственного сына. Подросток с искренней радостью воспринимает известие о смерти своего отца, так как для мальчика это означает избавление от насмешек, словесных нападков и издевательств со стороны одноклассников и прочих жителей деревни. Как справедливо отмечает Т.Л. Мотылева, финал рассказа «Конец» заключает в себе поучительное обобщение: разрыв преемственности с поколением отцов для юного Циллиха, как и для многих его сверстников, – начало новой жизни, свободной от позорного наследия прошлого [5]. Тем самым писательница выражает надежду, что нацизм вместе с его представителями останется в прошлом, а представители нового поколения, по примеру сына Циллиха, решительно отвергнут его идеи, также как отвергли их носителей. Все это наделяет особым символизмом название анализируемого в настоящей статье рассказа. «Конец» – это не только прекращение скитаний Циллиха, финал его жизненного пути, но и завершение в представлении А. Зегерс в истории Германии целой эпохи, ознаменованной кровавыми и жестокими преступлениями нацизма.

Список литературы:

1. Зегерс А. Конец // А. Зегерс. Седьмой крест. Рассказы. М.: Художественная литература, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560 (дата обращения: 08.12.2024)
2. Красовицкая Ю.В. Бегство и возвращение: осмысление феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс // Вестник МПГУ. Серия: Филологи. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3 (43). С. 21-28.
3. Леонова Н.С. Черты биографического романа в рассказе А. Зегерс «Встреча в пути» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 64-68.
4. Мельникова Л.А. Хронотоп в рассказе А. Зегерс «Крисанта» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 3 (27). С. 313-317.
5. Мотылева Т. Роман и рассказы Анны Зегерс // А. Зегерс. Седьмой крест. Рассказы. М.: Художественная литература, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560 (дата обращения: 08.12.2024)
6. Саид-Батталова Т.Ш. Ведущие мотивы в малой прозе Анны Зегерс // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2017. № 1 (9). С. 77-80.

References:

1. Zeghers A. The End // A. Zeghers. The seventh cross. Short stories. M.: Fiction, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560 (date of application: 08.12.2024)
2. Krasovitskaya Yu.V. Flight and return: understanding the phenomenon of emigration in the stories of Anna Zeghers // Bulletin of the Moscow State University. Series: Philologists. Theory of language. Language education. 2021. No. 3 (43). pp. 21-28.
3. Leonova N.S. The features of a biographical novel in the story by A. Zeghers "Meeting on the way" // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences. 2016. No. 1. pp. 64-68.
4. Melnikova L.A. Chronotope in A. Zeghers' story "Chrysanthe" // At the intersection of languages and cultures. Topical issues of humanitarian knowledge. 2023. No. 3 (27). pp. 313-317.
5. Motyleva T. The novel and the stories of Anna Zeghers // A. Zeghers. The seventh cross. Short stories. M.: Fiction, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560 (date of application: 08.12.2024).
6. Said-Battalova T.S. Leading motifs in Anna Zeghers' short prose // At the intersection of languages and cultures. Topical issues of humanitarian knowledge. 2017. No. 1 (9). pp. 77-80.